

Естественное и искусственное в конфликтах

«За каждым поворотом дорога снова раздваивается»
Станислав Ежи Лец

Прежде чем начать собственное сообщение рискну сделать замечание по теме, которую представил в своем сообщении В.А.Ковалевский, т.е. к проблематике современной семьи. Замечу, что ее обсуждение как раз иллюстрирует те тезисы, которые я намереваюсь здесь представить.

Дело в том, что основания для возникновения семейной пары достаточно хорошо изучены и имеют, в основном, естественную природу. Т.е. Стремление к соединению, обусловлено с одной стороны природной программой, с другой стороны фактически реализуется на основе взаимных предпочтений; связано с переживанием чувств симпатии, любви. Однако апелляции к этим основаниям соединения для его устойчивого удержания и реализации некоторого супружеского сценария, очевидно не состоятельны.

Иными словами, семейная пара образуется на естественных (природных) механизмах, а укрепляется, удерживается, функционирует и развивается (?) – на других – культурных. Это означает, что последнее от природы не дано, что это воспитывается, этому можно и нужно обучать. Отсюда, возможная проблематика, связываемая с неустойчивостью семейных отношений (производное – проблемное детство) происходит из непонимания того, где нужно видеть ресурсы для современного института семьи.

«Все романы на свадьбах кончают недаром,
потому что не знают, что делать с героем потом»
К.Симонов.

Теперь к теме моего сообщения.

1. Происхождение конфликта как формы, в которой является противоречие, по сути и есть обращение к его истокам, т.е. к попыткам культурой преодолеть натуру. Энергия противоречия в природе живой и в попытках овладеть этой природой, подчинить ее своей воле. Для этой цели культура использует интеллектуальные орудия и, прежде всего – знаки. Т.е. инициация и феноменология столкновения (конфликта) как бы случается (является) всякий раз, когда мы не справляемся с формальным преодолением какого-либо материала. Примеры можно приводить от попыток написать собственные мысли так, чтобы они были ясны другому или даже самому себе, и до попыток определить поведение другого желательным для себя образом, например в семейных отношениях, особенно тогда, когда изначальная страсть несколько поутихла.
2. Отдавая себе отчет, что любая форма – есть культурный способ явления себе какого-то материала и, таким образом осуществление содержания и само-чувствования, все-таки можно условно допустить, что само возникновение конфликта, его источник и энергия принадлежит первой природе (натуре). С помощью культуры он только открывается, обнаруживается.
3. А теперь, если не ограничивать функцию конфликта исключительно фактом явления, то придется допустить, что само удержание противоречия в конфликтной форме уже образует явление второй природы – культуры. Похоже, что именно удержание и образует смысловые характеристики конфликта. Причем совсем не обязательно с установкой на разрешение в терминальном смысле. Значительно более сильная функция именно в самом удержании.

4. Обнаружив конфликт своими средствами-формами, культура не столько стремится к его завершению, - хотя про это почти все источники твердят, - сколько к его институционализации, т.е. к созданию специальных конфликтных конструкций. К таким конструкциям относятся, начиная с детской игры, все виды искусств, спорт, рынок, политика.
5. Возникает вопрос и соответствующие задачи для исследователей и практиков относительно того, зачем культуре этот довольно солидный репертуар конфликтных конструкций? И второй вопрос относительно того насколько известные конфликтные конструкции «справляются» со своим культурным назначением? И возможно ли распрямечивание такого рода конструкций для овладения конфликтом, т.е. воспитания конфликтной компетентности?